

стианству наречеса боговенчаннй царь и великий князь Михайло Феодорович... отья бо от нас господь наш укоризну нашу всю и странеск страх и дарова державному держати в крепости достояния его ... ему же буди благопробывателно и многолетно здравствовати и во всяком благоденствии и радости расти и мужъствовати».¹¹⁸ Здесь, правда, упоминается «все православное христианство», но радость, переполняющая составителя Хронографа, вызывается прежде всего торжеством русского государства, освободившегося наконец от «странеского страха».

Не отвечают старой историографической концепции и многочисленные дополнения в собственно исторической части Хр. 1617. Хотя здесь сохранены противолатинские статьи Хр. 1512 («Сказание о латынех, како отступиша от православных»), но непосредственно за ними следуют статьи об истории католической Польши.¹¹⁹ Интерес к Польше можно было бы объяснить влиянием Хр. Бельского, а также естественным интересом к стране, с которой налаживались все более тесные связи, хотя и омраченные в последние годы борьбой за московский престол. Но наряду со статьями о Польше мы встречаем в Хр. 1617 и другие сведения, также выходящие за пределы сферы узко православной историографии. Это сведения о римских папах,¹²⁰ статьи об императорах Священной Римской империи,¹²¹ «Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Магмете».¹²² Все это свидетельствует о том, что интерес к истории соседних стран, независимо от их вероисповедания, оказывается сильнее отходящей в прошлое средневековой хронографической традиции.

Итак, с Хр. 1617 начинается новый этап в развитии хронографического жанра. Хр. 1617 освобождается от церковно-исторической концепционности, делает «крупный шаг на пути секуляризации русской хронографии».¹²³ Но одновременно он утрачивает былую композиционную собранность, превращается скорее в сборник исторических статей, чем в систематическое изложение истории. На первое место выступает самостоятельная значимость отдельных компонентов Хронографа, их сюжетная занимательность или политическая актуальность. Именно поэтому в XVII—начале XVIII в. стало возможным появление многочисленных вариаций Хронографа (см., например, виды Хронографа 1620 г.) и различных хронографических компиляций, так называемых хронографов особого состава и хронографических сборников. Создателем таких хронографических компиляций мог быть любой достаточно грамотный и располагающий источниками книжник. Его уже не заботила историографическая концепция его труда, соразмерность частей, единство стиля. Он стремился лишь к тому, чтобы в его индивидуальной «исторической энциклопедии» был собран интересный и важный, с его точки зрения, материал. Единственный принцип, соблюдавшийся в хронографических сборниках, был принцип хронологический: составитель располагал статьи в хронологической последовательности описываемых в них событий.

Такова в самых общих чертах эволюция жанра хронографа на протяжении полуторавекового отрезка его истории от Хр. 1512 до Хронографа начала XVII в.

¹¹⁸ Хр. 1617. Арх., л. 445 об.

¹¹⁹ Статьи «О польском короле Леске», «О Попеле короле польском» и другие в гл. 115. Повествование о западных славянах начинается в гл. 100 статьей «О начале государства полского и чешского».

¹²⁰ См. гл. 63, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72 и др.

¹²¹ См. гл. 117.

¹²² См. гл. 157.

¹²³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 12.